

ТЕМА ШУШИНСКИХ ПОГРОМОВ В ТВОРЧЕСТВЕ О.МАНДЕЛЬШТАМА

Наира Маркарян
АрГУ

Ключевые слова: *О.Мандельштам Армения, Нагорный Карабах, Шуши, кисло-сладкая земля, фазетоник, трагическая судьба, погромы, жертвы, резня, геноцид, страхи, чума, поэзия вызова.*

О. Мандельштам— одна из ключевых фигур русской культуры XX века, ее совершенно особый и самобытный поэтический голос. Едва ли можно сыскать в истории русской литературы поэта, судьба которого была бы столь трагична, как судьба Осипа Мандельштама. Публичные обвинения в плагиатстве (скандал вокруг отредактированного им перевода “Тиля Уленшигеля”), необходимость отстаивать чистоту своего литературного имени— все это было Мандельштаму невмоготу, захотелось убраться из Москвы. Интерес Мандельштама к Армении созрел окончательно, и поэт избрал убежищем Армению. По свидетельству жены поэта Надежды Мандельштам (Хазиной), для него приезд в Армению был “возвращением в родное лоно—туда, где все началось, к отцам, к истокам, к источнику”. Отщепенец, изгой в чуждом, а подчас и во враждебном окружении, Мандельштам понимал, что точно также столетиями перебивалась Армения, попавшая, приняв христианство, во враждебное кольцо. “Полтора тысячелетия порою в гордом, а куда чаще в униженном одиночестве провела Армения”.¹

В мае 1939 г. Мандельштамы приехали в Армению. Спасаясь от ужаса, поэт оказался там, где увидел следы настоящего ужаса:

*“И плачу я с тобой, Дудук непревзойденный,
Так за душу берет мелодий древних звук,
Когда звучит тот плач по жертвам геноцида,
И люди встали в цепь, и помня, и скорбя,
На сердце-- черный цвет, чернее антрацита.
Урарту—Арарат—Армения—армя . . .*

“Моя Армения”²

О. Мандельштам, чуждый мусульманскому миру, пишет о трагическом положении Армении, оказавшейся на границе между востоком и западом:

*Закутав рот, как влажную розу,
Держа в руке осьмигранные соты,
Все утро дней на окраине мира
Ты простояла, глотая слезы.
.....
И отвернулась со стыдом и скорбью*

¹ Кубатян Г., “Бегство в Армению и другие этюды о Мандельштаме”, ж-л “Вопросы литературы”, № 3, 2012, с. 7.

² Мандельштам О., Сочинения в 2-х тт. Том 1: Стихотворения. Сост. С. Аверинцев и П. Нерлер, М., Художественная литература, 1990, с. 16.

*От городов бородатых востока,
И вот лежишь на москательном ложе
И с тебя снимают посмертную маску*

“Моя Армения”

На другую причину ощущения конца эпохи указывает Н. Мандельштам в своих воспоминаниях о поздке в Нагорный Карабах: “... на каждом шагу видели следы муссаватистских погромов (одна Шуша чего стоила!), и это углубляло ощущение окраинности, окруженности чуждыми людьми”.¹ Н. Мандельштам говорит о событиях марта 1920 г., когда в Шуши азербайджанскими муссаватистами, союзниками турков, было вырезано около 35 тысяч армян; была сожжена и разрушена армянская часть города и изгнано все армянское население.²

О сильном впечатлении, которое оставил в душе поэта Нагорный Карабах, мы, читатели, судим по его произведению “Фазтонщик”, которое было написано в июне 1931г. В стихотворении звучит его личное трагическое мироощущение, сопричастность к ужасу происходящего:

*На высоком перевале
В мусульманской стороне
Мы со смертью пировали—
Было страшно, как во сне.³*

Поэту было страшно, так как в “Нагорном Карабахе, в хищном городе Шуше” он увидел следы массовых убийств армян, разрушений, погромов:

*Сорок тысяч мертвых окон
Там видны со всех сторон. . .*

О. Мандельштам никак по-другому не мог назвать этот город, как хищным. Шуши в стихотворении Мандельштама—мертвый город, а в тюрках, оставшихся в Карабахе, поэт видел наследников убийц, не мог отделаться от мысли, что перед ним погромщик:

*Нам попался фазтонщик,
Пропеченный, как изюм,
Словно дьявола погонщик,
Односложен и угрюм.*

*.....
Под кожевенною маской,
Скрыв ужасные черты,
Он куда-то гнал коляску
До последней хрипоты.*

Надежда Мандельштам в “Книге Третьей. Комментарии к стихам 1930-1937 гг.” вспоминает, что “добраться в Степанакерт можно было только на извозчике. Вот и попался нам безносый извозчик.. А дальше все было так, как в стихах: И мы не

¹ “Армения Мандельштама”, т.4, “Сохрани мою речь”, N 2, Книжный сад, 1993, с. 56.

² Муратовский В., Литературный дневник “Сквозь образ смерти к образу вечности” к проблеме лирического “я” О. Мандельштама”, с. 34.

³ Мандельштам О., Сочинения в 2-х тт. Том 1: Стихотворения. Сост. С. Аверинцев и П. Нерлер, М., 1990, с. 38.

верили, что он нас действительно доведет до Степанакерта”.¹ Неудобство дороги— толчки, холод, невозможность остановиться, везут чужие люди, неизвестно куда:

*И пошли толчки, разгоны,
И не слезть было с горы—
Закружились фэтоны,
Постоялые дворы. . .*

Жена поэта вспоминает: “ На рассвете мы выехали на автобусе из Гянджи в Шушу. Город начинался с бесконечного кладбища, потом крохотная базарная площадь, куда спускаются улицы разоренного города. Нам уже случалось видеть деревни, брошенные жителями, состоящие из нескольких полуразрушенных домов, но в этом городе, когда-то, очевидно, богатом и благоустроенном, картина *катастрофы и резни* была до ужаса наглядной. Мы прошлись по улицам и всюду одно и то же: два ряда домов без крыш, без окон, без дверей. В вырезе окон видны пустые комнаты, полуразрушенные печки, иногда остатки сломанной мебели. Дома из розового туфа, двухэтажные”. Сразу читателю становится ясно, откуда этот цвет в стихотворении:

*И бесстыдно розовеют
Обнаженные дома. . .*

Н. Мандельштам продолжает: “Говорят, все колодцы после резни были забиты трупам. Если кто и уцелел, то бежал из этого города смерти. Лишь вниз—на базарной площади—копошилась кучка народу, но среди них *ни одного армянина*, только мусульмане. У О. Мандельштама создается впечатление, будто мусульмане на рынке—это остатки тех убийц, которые с десятков лет назад разгромили город , только впрок им это не пошло: восточная нищета, чудовищные отрепья, гнойные болячки на лицах (авторское – у Мандельштама читаем: “*под кожевенною маской, скрыв ужасные черты.*”) Торговали горстями кукурузной муки, лепешками... мы не решились купить лепешек из этих рук, поэтому невозможно съесть ни кусочка хлеба... и воды не выпьешь из этих колодцев”² В атмосфере всепоглощающего страха—“ тень, пугающая детей и старух, сама боялась”.³

В начале 30-х годов поэзия О. Мандельштама становится поэзией вызова. Появление прозаического цикла “Путешествия в Армению” в журнале “Звезда” в марте 1933г. вызывает бурный скандал, а уже в августе газета “Правда” печатает разгромную рецензию (о Советской Армении нельзя было писать так правдиво мрачно):

*Я очнулся: стой, приятель!
Я припомнил—черт возьми!
Это чумный председатель
Заблудился с лошадьми!*

Читаем далее:

¹ Мандельштам Н., “Книга Третья. Комментарии к стихам 1930-1937 гг.”, М., 1998, с. 27.

² Мандельштам Н., “Книга Третья. Комментарии к стихам 1930-1937 гг.”, М., 1998, с. 28.

³ Агеносов В., “Русская литература XX века.”, Учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. Ч.2, М.: Дрофа, 2001, с. 64.

.....
*А над ними неба мреет
 Темно-синяя чума.*

Чумный председатель, чума—это прямая отсылка к “Пиру во время чумы” А.С. Пушкина. Однако чума здесь не только литературный образ. К моменту написания стихотворения О. Манделъштаму было известно, что в 1930 году в Гадрутском районе *Нагорного Карабаха была вспышка бубонной чумы:*

*Так , в Нагорном Карабахе,
 В хищном городе Шуше
 Я изведal эти страхи,
 Соприродные душе.*

Какими бы сильными не были эти страхи, тем не менее О. Манделъштам для описания карабахской земли использовал удивительный эпитет:

*Он безносой канителью
 Правит, душу веселя,
 Чтоб вертелась каруселью
 Кисло-сладкая земля...*

Исследователям творчества О. Манделъштама кажется интересным такая интерпретация словосочетания (кисло-сладкая земля): не случайно автор использовал два слова (и кислый, и сладкий), чтобы показать, что эта земля не приторно сладкая, как мед, и не кислая, как лимон, а именно кисло-сладкая, например, как вишня, которую едят, смакуя, получая удовольствие. Чтобы стало понятным откуда эта ассоциация с вишней, кажется уместным обратиться к строчкам из стихотворения Манделъштама “Я наравне с другими хочу тебе служить...”:

*И словно преступленье,
 Меня к тебе влечет
 Искусанный в смятенье
 Вишневый нежный рот.¹*

Но он, конечно, понимал, что вряд ли ему еще раз удастся побывать на полюбившейся ему кисло-сладкой земле...

Литература

1. Кубатян Г. “Бегство в Армению и другие этюды о Манделъштаме” ж-л “Вопросы литературы” № 3, 2012г., ст.7
2. Манделъштам О. Сочинения в 2-х тт. Том 1: Стихотворения. Сост. С.Аверинцев и П. Нерлер. Москва, Художественная литература, 1990, ст.16
3. Манделъштам Н. “Книга Третья. Комментарии к стихам 1930-1937 гг.” М, 1998г. ст.27
4. “Армения Манделъштама” т.4 “Сохрани мою речь” № 2, Книжный сад, 1993г. ст.56
5. Муратовский В. Литературный дневник “Сквозь образ смерти к образу вечности” к проблеме лирического “я” О. Манделъштама” ст.34

¹ Манделъштам. О.Э., Собрание сочинений в 2 т., М.: Художественная литература, 1990, с. 7.

6. Агеносов В. “Русская литература XX века.” Учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. Ч.2, М.: Дрофа, 2001 г. ст.64
7. Мандельштам. О.Э. Собрание сочинений в 2 т. М.: Художественная литература, 1990.

Резюме

В статье автор, опираясь на воспоминания Н. Мандельштам, проводит анализ стихотворения О. Мандельштама “Фаэтонщик”, где показаны последствия погрома армян в городе Шуши в 1920г. О. Мандельштам пишет о трагической судьбе армян, о геноциде и резне армян, когда была сожжена и разрушена армянская часть города и изгнано все армянское население. Все перечисленные события наводят ужас на поэта, но несмотря ни на что, он влюблен в армянскую землю, а Нагорный Карабах для него - “кисло-сладкая” земля.

The Theme of Shushi Destruction in the Works of O.Mandelshtam

Naira Margaryan

Summary

Key words: *Armenia, Mountainous-Karabakh, Shusha, sour-sweet land, faetonshik /cabman, tragic fate, the victims, massacre, genocide, fears, plague, challenge poetry*

The author, based on memories of N. Mandelshtam, analyzes the poem "Faetonschik " (Cabman) by O. Mandelshtam, where the author shows the consequences of the pogroms of Armenians in Shushi in 1920. O. Mandelshtam writes about the tragic fate of the Armenians, about the genocide and massacres of Armenians, when the Armenian part of the city was burned and destroyed and the entire Armenian population was expelled.

All of these events trouble the poet, but inspite of everything he is in love with the Armenian land and Mountainous-Karabakh is a "sweet-sour" land for him.

**Շուշիի ջարդերի թեման Օ.Մանդելշտամի ստեղծագործությունների մեջ
Նաիրա Մարգարյան
Ամփոփում**

Բանալի բառեր՝ Հայաստան, Լեռնային Ղարաբաղ, Շուշի, թթու-քաղցր հող, փայտնչի/կառապան, ողբերգական ճակատագիր, ջարդեր, զոհեր, ցեղասպանություն, մտավախություններ, ժանտախտ, մարտահրավերի պոեզիա:

Հեղինակը, ելնելով Ն. Մանդել շտամի հիշողություններից, վերլուծում է Օսիպ Մանդելշտամի "Փայտնչի" բանաստեղծությունը, որում նկարագրված են հայերի ջարդերը 1920 թվականին Շուշիում: Օ.Մանդելշտամը անդրադառնում է հայերի ողբերգական ճակատագրին, ցեղասպանությանը, կոտորածներին, քաղաքի հայկական մասի հրդեհմանը, ոչնչացմանը, ամբողջ հայ բնակչության արտաքսմանը:

Բոլոր այդ իրադարձությունները սարսափեցնում են բանաստեղծին, սակայն, անկախ ամեն ինչից, նա մնում է սիրահարված հայկական հողին: Լեռնային Ղարաբաղը նա համարում է «քաղցրթթու» երկիր: